

О. В. Ковенева

ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОБЛЕМЕ «НЕПЕРЕВОДИМОСТИ»

*Работа представлена кафедрой теории, истории и методологии перевода
Высшей школы перевода (факультета) МГУ им. М. В. Ломоносова.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Н. К. Гарбовский*

В статье излагается прагматический подход к проблеме непереводимости и лингвокультурного релятивизма. После краткого обзора положений философского прагматизма и лингвистической прагматики автор предлагает возможные пути применения прагматической методологии в сопоставительном исследовании культурных коннотаций, концептов и в решении переводческих задач.

Ключевые слова: прагматический подход, перевод, культурные концепты, коннотации.

The paper's objective is to propose a theoretical approach to analysis of the cultural concepts and connotations while avoiding traditional essentialist pitfalls of linguistic and cultural relativism. The approach

is based on methodological tools developed in philosophical pragmatism and linguistic pragmatics and can be used in comparative linguistics and translation studies.

Key words: pragmatic approach, translation, cultural conceptions, connotations.

Прагматизм – философское направление, сформировавшееся в США в 70-е гг. XIX в. и оказавшее значительное влияние на философию, социологию и лингвистику XX в. Основными для прагматизма являются категории «действия», «практики», «опыта».

Программа прагматизма была заявлена Ч. Пирсом в статье «Как сделать наши идеи ясными». Рассматривая традиционное противопоставление «ясных» и «смутных» понятий, ученый подчеркнул, что главной задачей логики должно стать обучение четкому изложению мыслей. По его мнению, ясное представление об объекте должно учитывать практические последствия, вытекающие из действий с этим объектом. Знание об объекте при этом всегда остается незавершенным и может быть опровергнуто в ходе последующего опыта¹.

Большое значение для лингвистики имеет семиотическая теория Пирса². Ученый ввел понятие «интерпретант» – знак, возникающий в итоге истолкования исходного знака. Истолкование всегда осуществляется на некотором основании³. Под основанием понимается «модель возможного частного опыта», опыт, прожитый «под определенным углом»⁴. Интерпретант связывает между собой «динамический» и «непосредственный объект». «Динамический объект» – это реальность, определяющая знак. «Непосредственный объект» – это не что иное, как «способ фокусирования Динамического Объекта» с определенной точки зрения⁵. Иными словами, «непосредственный объект», возникающий в процессе интерпретации, позволяет сузить «динамический объект» и представить его под определенным углом, выделяя лишь релевантные для ситуации смыслы⁶. Процесс интерпретации и порождения новых знаков является бесконечным. На этой идее основан тезис Пирса о «неограниченном семи-

озисе»⁷. Однако область интерпретации знака всегда может быть сужена и ограничена рамками «универсума дискурса», «возможного мира»⁸. Объекты интересуют Пирса с точки зрения опыта и практических следствий, вытекающих из их использования. Даже у «неограниченного семиозиса» может быть конечный результат: «окончательный интерпретант»⁹. Знак, беспрерывно порождая серию непосредственных реакций (эмоциональных и энергетических интерпретаций), постепенно формирует Привычку, некоторое устойчивое поведение у интерпретатора знака. Способность действовать повторно схожим образом в схожих ситуациях и составляет «окончательный интерпретант». Таким образом, «понимать знак значит (понимать и) знать, что надо делать, чтобы создать такую конкретную ситуацию, в которой можно обрести чувственный (перцептуальный) опыт того объекта, к которому отсылает данный знак»¹⁰. Вместе с тем окончательный интерпретант – это не «замороженная» раз и навсегда интерпретация. Основополагающим принципом остается непрерывное обновление опыта.

Идеи Пирса были развиты американским философом и психологом У. Джеймсом¹¹. С его именем связывают прагматическую теорию истины, согласно которой истинными являются только те идеи, что прошли опытную проверку¹². Понятие «опыта» было основательно разработано в трудах Дж. Дьюи¹³. Согласно постулату «непосредственного эмпиризма», вещи есть то, чем они являют себя в опыте¹⁴. Достоверное описание вещей должно предполагать описание того, как вещи испытываются в реальности¹⁵. Прагматизм не следует понимать как поиск выгоды: «...термин “прагматичный” означает... правило соотнесения всего мышления... с вытекающими... следствиями... По своей природе по-

следствия могут быть любыми – эстетическими, моральными, политическими, религиозными»¹⁶.

Применительно к лингвистической теории термин «прагматика» был введен Ч. Моррисом¹⁷. Ученый предложил рассматривать прагматику как один из разделов семиотики, исследующий отношения между знаками и их пользователями. В современной лингвистике до сих пор не существует консенсуса о предмете прагматики. Одни ученые оспаривают целесообразность выделения прагматики как отдельной области знания¹⁸. Другие предпринимают попытку определения общих оснований прагматики¹⁹. Н. Д. Арутюнова, признавая, что «лингвистическая прагматика не имеет четких контуров», тем не менее предлагает определение прагматики как области исследований «в семиотике и языкознании, в которой изучается функционирование языковых знаков в речи». Главными для прагматики являются принцип «употребления языка говорящими в коммуникативных ситуациях» и принцип «прагматической компетенции говорящих»²⁰.

Формирование лингвистической прагматики было стимулировано не только работами Морриса, но и идеями Пирса. Выделение прагматики как области лингвистических исследований обычно относят к 60-м – 70-м гг. XX в. При этом имеют в виду в первую очередь логико-философскую теорию речевых актов Дж. Остина, Дж. Серла и З. Вендлера, прагматическую теорию значения П. Грайса и прагматическую теорию референции Л. Линского, Дж. Серла, П. Ф. Стросона²¹. Кербрат-Орекьени выделяет два основных направления лингвистической прагматики: лингвистика высказывания и теория речевых актов²². В первом направлении, развивающем идеи Морриса, изучается высказывание в его отношении к ситуативной рамке. В свою очередь, теория речевых актов, разработанная Остином и Серлом²³, исходит из следующей гипотезы: «Речь – это... действие... направленное на изменение ситуации адресата, в том числе

на изменение его убеждений, взглядов и/или его поведения»²⁴. Согласно теории речевых актов, «понять высказывание – это определить, наряду с его информативным содержанием, его прагматическую установку, его “иллокутивную” силу»²⁵.

Ф. Латраверс различает два основных понимания лингвистической прагматики²⁶. Согласно широкому пониманию, в задачу прагматики входит объяснение функционирования речи в ее отношении к конкретным условиям. Сторонники данного понимания прагматики обращаются к данным не только лингвистических исследований, но и социологических, психологических, культурологических. В таком случае границы собственно лингвистики и других дисциплин стираются, и прагматический подход создается в междисциплинарном поле. Согласно узкому пониманию, прагматика рассматривается в тесной связи с теорией смысла. Семантика и прагматика здесь не противопоставляются друг другу, а рассматриваются как направления, разрабатываемые хотя и различные, но смежные проблематики. Подобное понимание прагматики оставляет нерешенным вопрос о границах семантики и прагматики. В рамках узкой трактовки прагматики, ученый выделяет три традиционных позиции по отношению к данной проблеме. Первая традиция восходит к работам Р. Карнапа и соответствует философии и формальной логике в лице таких теоретиков, как Р. Монтегю, Д. Люис и М. Крессуэлл. Предметом прагматики в данном случае является изучение синтаксически определенных предложений в зависимости от контекста употребления. Эта зависимость проявляется, в частности, на уровне «индексальных» выражений, отсылающих к внеязыковым референтам («я», «здесь», «сейчас», «это» и т. д.). Главным представителем второй традиции является Дж. Катц. По убеждению сторонников данного направления, явление индексальных выражений, исследуемое в формальной логике и философии, одновременно относится как к семантике, так и праг-

матике. Иллокутивные силы высказывания в равной степени зависят от прагматики и семантики, поскольку они связаны не только с контекстом употребления, но и с буквальным смыслом фраз, не зависящим от контекста. И наконец, третья традиция, вдохновителем которой может отчасти считаться поздний Л. Витгенштейн, представлена работами Остина, Грайса и Серла. Сторонники данного направления полагают, что смысл выражений и фраз определяется употреблением и интенциональным смыслом, вкладываемым в них говорящими. Разграничение контекстуального и неконтекстуального смысла в таком понимании не является релевантным, поскольку даже лингвистический смысл высказываний зависит от действительного смысла и особых условий, регулирующих их употребление.

Коммуникация исследуется в прагмалингвистике согласно следующим параметрам: субъект речи; адресат речи; межличностные отношения коммуникантов, ситуация общения²⁷. В связи с субъектом речи изучаются установки, пресуппозиции, фоновые знания и референции говорящего, иллокутивные силы высказывания; речевая тактика и типы речевого поведения. В связи с адресатом речи исследуется интерпретация сообщения, воздействие высказывания на адресата, типы речевого реагирования. В связи с межличностными отношениями коммуникантов проводится анализ позиций говорящих, изучаются правила ведения разговора, социально-этические и психологические аспекты речи. И наконец, на уровне ситуации общения исследуется связь между языковыми знаками и ситуацией, социокультурные аспекты коммуникации, влияние ситуации на тематику и формы коммуникации. В последнее время активно развивается прагматическая теория фреймов²⁸, согласно которой опыт организуется в виде когнитивных сценариев, «моделирующих знание о типичных ситуациях»²⁹.

Существенными для прагмалингвистики являются категории «коммуникантов»,

«пользователей», «коммуникации», «речевой практики» «коммуникативного события», «употребления», «контекста», «речевой ситуации», «речевых актов», «дискурса» и «пресуппозиций». В прагмалингвистике исследуются «конкретные условия и обстоятельства», «реальные ситуации», «эффективность коммуникации», «перформативность высказываний», «адекватность речи».

Категория «контекста» является одной из основополагающих в лингвистической прагматике. Если в традиционной лингвистике «контекст» понимается как словесное окружение, детерминируемое языковой системой, то для прагмалингвистики контекст – это синтез «лингвистического» и «экстралингвистического» начал: от «вербальной коммуникации» и «конкретной ситуации, в которой протекает общение» и кончая «всей совокупностью культурных и социальных условий, определяющих весь смысл и языковой комплекс коммуникативных актов»³⁰.

Категория «дискурса» определяется в лингвистической прагматике как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами; текст, взятый в событийном аспекте; речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)»³¹.

Категория «пресуппозиций» тесно связана с динамикой коммуникации. Пресуппозиции – это сумма предварительных знаний, программирующих адекватное понимание сообщения³² и позволяющих прогнозировать смысл дискурса. Успешное прогнозирование основано на особой компетенции, предполагающей владение языковыми и экстралингвистическими знаниями³³. Прерывание пресуппозиционной цепочки в отдельных звеньях может повлечь за собой разрушение самого акта общения³⁴.

Установки философского прагматизма и лингвистической прагматики на изучение когнитивных процессов и речи в их отношении к практической реализации позволяют иначе взглянуть на ряд проблем перевода, межкультурной коммуникации и сопоставительной лингвистики, в частности на проблему лингвокультурной несоизмеримости, культурных концептов, коннотаций и проблему непереводимости.

Подход к исследованию «смутных понятий» и «интерпретанта», обоснованный в семиотической теории Пирса, может быть использован в качестве методологического инструмента, направленного на деэссенциализацию имманентной природы концептов. Положения прагматизма позволяют избежать косных менталистских позиций, согласно которым тот или иной концепт «замораживается» в виде квинтэссенции культуры. Идея о незавершенности знания дает возможность подойти к концептам как к динамичным формам, тесно связанным с человеческой практикой. Ключом к их разгадке может служить эмпирическое наблюдение социокультурного опыта, позволяющее выявить практические импликации тех или иных лингвокультурных явлений.

Прагматический подход может позволить решить особенно актуальную для переводчиков проблему владения коннотативной информацией, содержащейся в иноязычном источнике. Для уяснения коннотаций высказываний и дискурсов необходимо обратиться к конкретным ситуациям их использования в иноязычной культуре и проследить, какие практические последствия вытекают из самой ситуации, предполагающей взаимодействие коммуникантов и объектов.

Внимание Пирса к основанию интерпретации и к рамкам соответствующего ей опыта имеет существенное значение для теории и практики перевода. Именно прагматико-ориентированные подходы дают возможность выйти за пределы языка как системы и максимально приблизиться в анализе к специфике переводческой дея-

тельности, предполагающей коммуникативный опыт, ситуативное восприятие, интерпретацию и передачу речевых единиц в контексте межъязыкового и межкультурного общения.

Применительно к речи прагматический подход был наиболее полно обоснован в лингвистической прагматике, подчеркнувшей значение ситуативного лингвистического анализа. Лингвопрагматические категории тесно связаны между собой и пересекаются в своих определениях. Объединяет их общая прагматическая направленность – внимание к реализации языковых потенциалов в речи, стремление изучать языковые единицы не в изолированном виде, а в их отношении к коммуникантам, материальному и социокультурному окружению, а также широкая трактовка коммуникации не только как вербального, но и как поведенческого взаимодействия. Категория «дискурса» представляет особый интерес для специалистов в области перевода, поскольку она позволяет связать вербальные и экстралингвистические аспекты коммуникации в единых рамках – рамках речевого события, прагматической ситуации общения. Категория «пресуппозиций» подчеркивает коммуникативное значение прогнозирования динамики дискурса. Известно, что компетенция прогнозирования играет важнейшую роль в межкультурной коммуникации и переводческой деятельности.

Положения философского прагматизма и лингвистической прагматики обращают внимание специалистов в области перевода на значение прагматической компетенции переводчика: умение учитывать прагматическую установку, заложенную в исходном сообщении, и достигать аналогичного прагматического эффекта при переводе. Перевод, основанный на принципе прагматико-ситуативной эквивалентности, направлен на межкультурное и межъязыковое взаимопонимание: он позволяет коммуникантам, разным по своей социокультурной принадлежности, пережить общий опыт или, по крайней мере, адекватно воспри-

нять, понять и принять опыт, переживаемый Другим в его отличии, не эссенциализируя социокультурную специфику и не абсолютизируя тезис о непереводимости.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М.: Логос, 2000. С. 266–295.
- ² Пирс Ч. С. Логические основания теории знаков. СПб.: Алетейя, 2000. С. 46–74.
- ³ Там же. С. 48.
- ⁴ Эко У. Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб.: Симпозиум, 2005. С. 299–230.
- ⁵ Там же. С. 304.
- ⁶ Там же. С. 314.
- ⁷ Там же. С. 323–324.
- ⁸ Там же. С. 316.
- ⁹ Там же. С. 320.
- ¹⁰ Там же. С. 321.
- ¹¹ Джеймс У. Прагматизм: новое название для некоторых старых методов мышления: Популярные лекции по философии. СПб.: Шиповник, 1910.
- ¹² James W. The meaning of truth: a sequel to «Pragmatism». London: Longmans-Green, 1909.
- ¹³ Dewey J. Studies in Logical Theory. Chicago: The University of Chicago Press, 1903; *Idem*. Reality as Experience // The Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods. 1906. Vol. 3. N 10. P. 253–257.
- ¹⁴ Dewey J. The Postulate of Immediate Empiricism // The Journal of Philosophy, Psychology and Scientific Methods. 1905. Vol. 2. N 15. P. 393.
- ¹⁵ Ibid. P. 393.
- ¹⁶ Dewey J. Essays in Experimental Logic. Chicago, 1916. P. 330. Цит. по: Юлина Н. С. Джон Дьюи // Философы двадцатого века: Книга первая / Под ред. А. М. Руткевич, И. С. Вдовиной. М.: Искусство XXI в., 2004. С. 91.
- ¹⁷ Morris C. Foundations of the Theory of Signs // International encyclopedia of unified science. V. 1. N 2. Chicago: The University of Chicago Press, 1938.
- ¹⁸ Jacques F. La pragmatique // Encyclopaedia Universalis. 2003. France SA, version multimedia N 9; Latraverse, F. La pragmatique: histoire et critique. Bruxelles: P. Mardaga, 1987. P.10.
- ¹⁹ Kerbrat-Orecchioni C. La sémantique // Encyclopaedia Universalis. 2003. France SA, version multimedia N 9; Кобозева И. М. Лингвистическая семантика: Учебник. 3-е изд., стер. М.: КомКнига, 2007. С. 87.
- ²⁰ Арутюнова Н. Д. Прагматика // Большой энциклопедический словарь. Языкознание / Под ред. В. Н. Ярцевой. М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 389.
- ²¹ Там же. С. 389–390.
- ²² Kerbrat-Orecchioni C. Op cit.
- ²³ Austin J. L. How to Do Things with Words. N.Y.: Oxford University Press, 1962; Searle J. R. Les actes du langage : essai de philosophie du langage. P.: Hermann, 1980.
- ²⁴ Kerbrat-Orecchioni C. Op cit.
- ²⁵ Ibid.
- ²⁶ Latraverse F. La pragmatique: histoire et critique. Bruxelles: P. Mardaga, 1987. P. 23–28.
- ²⁷ Арутюнова Н. Д. Указ. соч. С. 390.
- ²⁸ Демьянков В. З. Фреймовая семантика // Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е. С. Кубряковой. М.: Филологический факультет МГУ, 1996. С. 189–191; Он же. Фрейд // Там же. С. 187–189; Кобозева И. М. Указ. соч. С. 65.
- ²⁹ Арутюнова Н. Д. Указ. соч. С. 390.
- ³⁰ Колишанский Г. В. Контекстная семантика. М.: Издательство ЛКИ, 2007. С. 38.
- ³¹ Арутюнова Н. Д. Указ. соч. С. 136.
- ³² Колишанский Г. В. Указ. соч. С. 77.
- ³³ Там же. С. 86.
- ³⁴ Там же. С. 77.